

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Городище Миздахкан¹

Археологическое изучение Хорезма, систематическое обследование которого началось только в 1928 г., обещает дать не мало нового материала. Страна, о которой так много известий в письменных источниках, которая до конца XIV в. играла такую огромную роль в экономической и культурной жизни Средней Азии и Восточной Европы, остается мало известной в археологическом отношении. До сих пор мы не имеем достаточно ясной картины, какие из его памятников сохранились до наших дней. Мы даже не знаем точно, что осталось на месте от первой столицы Хорезма-Кята. А между тем, археологическое изучение Средней Азии в настоящий момент зависит во многом от того, как глубоко продвинется изучение памятников материальной культуры Хорезма. Более того, без самого тщательного изучения не может быть решена и проблема материальной культуры Золотоордынского Поволжья. Предметом моего сообщения являются интересные развалины, лежащие по дороге из Куня-Ургенча в Ходжейли в 24—25 км от первого и 7—8 км от второго. Развалины эти расположены на двух холмах и известны в наши дни под именем Гяур-Кала (западный холм) и Мазлум-Сулу (восточный). Намечая на лето 1928 г. работы в Ургенче, Разряд Средней Азии Государственной академии истории материальной культуры выдвинул также вопрос о местоположении развалин Миздахкана. Тогда же в беседе моей с В. В. Бартольдом явилось вполне обоснованное предположение, что Мазлум-Сулу и Гяур-Кала и есть то, что осталось от города Миздахкана. Как будет видно ниже, действительность вполне подтвердила это предположение.

¹ Доклад, прочитанный в Разряде Средней Азии Гос. Акад. ист. мат. культуры 29 XII 1929.

О самом Миздахкане мы имеем довольно частые упоминания в трудах арабских географов. К сожалению, сведения эти настолько кратки, что приходится ценить буквально каждое слово. История Миздахкана, также как и история Ургенча, тесно связана с бурной и капризной жизнью Аму-Дарьи. Как известно, на протяжении четырех веков эта река два раза круто меняла направление своего главного русла. В домонгольское время она гнала свои главные воды в Аральское море, в 20-х гг. XIII в. она повернула их на запад, к Каспию, а в конце XVI в. стала впадать опять в Каспийское море. Но и возвращаясь к нему, она не пошла старым домонгольским руслом, а использовала свой прежний правобережный канал Курдер,¹ переместившись таким образом по сравнению со своим прежним руслом на несколько десятков верст на восток.

Несомненно, что капризная «судьба» реки не могла не отразиться на жизни культурной полосы, расположенной по ее нижнему течению.

То разделенный от Ургенча Аму-Дарьей, то лежащий с ним на одном берегу, Миздахкан был связан с Ургенчем не только близким соседством и даже соперничеством, как это было в X в., но и более прочными связями экономического, культурного и политического подчинения, как то имело место в монгольскую эпоху, т.-е. в XIII и XIV вв.

Согласно арабской географической литературе Миздахкан причислялся к городам Хорезма, лежащим по нижнему течению р. Аму-Дарьи на ее правом берегу. По словам Истахри (писал в середине X в.) «между Джейхуном и Курдером-рустак Мирдаджкан,² между Мирдаджканом и Джейхуном — два фарсаха и он напротив Джурджании (Ургенч)».³ Ибн-Хаукаль (писал в 70-х гг. X в.) целиком повторяет Истахри, не прибавляя ничего нового. Уже эти слова Истахри, вместе с его указанием, что Джурджания, т.-е. Ургенч, находится на расстоянии одного фарсаха от Аму-Дарьи⁴ дают достаточно материала, чтобы сделать точные выводы о местоположении города относительно р. Аму-Дарьи, канала Курдера и взаимного отношения Миздахкана и Ургенча, как друг к другу, так

¹ Истахри приводит любопытное предание, согласно которому канал Курдер был когда-то главным руслом Аму-Дарьи, BGA, I, 303, В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, 82.

² В сохранившихся рукописях Ибн-Русте и Макдиси название города, передается более правильно Миздахкан.

³ BGA, I, 303.

⁴ BGA, I, 342.

к реке и каналу. И, действительно, канал Курдер был правобережным, т.-е. восточным каналом Аму-Дарьи, при чем русло его совпадает с нынешним руслом Аму-Дарьи. Далее хорошо известно, что в домонгольское время Ургенч находился на левом, т.-е. западном берегу той же реки. Таким образом, уже на основании этих данных местоположение Миздахкана вырисовывается в следующем виде: оба города лежат недалеко друг от друга, один напротив другого; один из них Миздахкан — на правом, восточном берегу, на расстоянии двух фарсахов от реки, другой — Ургенч — на левом западном берегу, на расстоянии одного фарсаха от реки. Но, рисуя эту картину, надо помнить, что старое домонгольское русло Аму-Дарьи шло западнее нынешнего русла, установившегося с конца XVI в., когда река вновь повернула к Аральскому морю. Переводя вопрос с местоположения городов относительно друг друга и реки, на местоположение реки относительно городов, мы бы сказали так: искать старое домонгольское русло Аму-Дарьи нужно между двумя городами, Ургенчем и Миздахканом, при чем оно было ближе к Ургенчу (до Ургенча один фарсах и до Миздахкана два фарсаха). Указанные выводы, которые можно сделать из письменных источников, вполне подтверждаются археологическими наблюдениями. Дорога из Ходжейли, идущая через развалины Гяур-Кала и Мазлум-Сулу, лежит в направлении с запада на восток. Расстояние между Ургенчем и развалинами равно приблизительно 24—25 км, что вполне соответствует вышеупомянутым 3 фарсахам (1 фарсах от Ургенча до реки и 2 фарсаха от реки до Миздахкана). От развалин до Ходжейли, который, как известно, находится почти на берегу Аму-Дарьи, 8 км. Таким образом, если принять во внимание, что современное русло реки было когда-то руслом канала Курдера, картина становится совершенно ясной, и развалины, лежащие на двух холмах — Гяур-Кала и Мазлум-Сулу, можно с полной достоверностью признать за остатки города Миздахкана. Что это действительно так, можно убедиться и из тех сведений, которые об этом месте можно получить из поздней исторической литературы, начиная с Абульгази (XVII в.): У В. В. Бартольда в его «Истории орошения Туркестана» есть следующие строки: «Местоположение города (Миздахкана) определяется урочищем того же имени, которое упоминается не только у Абульгази (при нем здесь была крепость), но и в хивинской истории XIX в. «Кыр» (возвышение) Миздахкана находился приблизительно на расстоянии фарсаха к западу от Ходжейли (собств. Ходжа-Или); здесь был похоронен отшельник (абид)

Самсон или, по другому преданию, апостол Симон-Петр; еще в 1867 г. эту могилу посетил хивинский хан.»¹ И, действительно, приведенные здесь слова вполне совпадают с наблюдениями на месте. Во-первых, как выше сказано, два этих холма лежат на запад от Ходжейли, на расстоянии 7—8 км, т.-е. 1 фарсаха. Во-вторых, на одном из холмов находится крепость, которую отмечает и Абульгази. В-третьих, окрестные жители считают, что на кладбище Мазлум-Сулу (восточный холм) один из мазаров есть могила отшельника Симона. Всего вышеприведенного, как мне кажется, вполне достаточно, чтобы указанное местоположение Миздахкана не вызывало никаких сомнений. Теперь же возвратимся к арабской географической литературе. Сведения Истахри прежде всего важны для установления местоположения Миздахкана. Ничего другого из них мы не извлечем. Зато по дорожникам и кратким описаниям Макдиси можно составить более или менее ясную картину, что собой представляет культурная полоса правого и левого берега нижнего течения Аму-Дарьи. Сведения эти с исчерпывающей полнотой приведены В. В. Бартольдом в его «Туркестане».² Отсылая к ним всех интересующихся этим вопросом, мне хочется только остановиться на следующем. Селения и города, идущие почти сплошной полосой по обоим берегам реки повсюду отличаются одной характерной чертой. Почти все они укреплены. Для примера возьму городские поселения, лежащие на правом берегу Аму-Дарьи на одной из дорог от Миздахкана до Кята — древней столицы Хорезма.

«Нукфаг, вокруг него протекает канал, выведенный из Джейхуна и идущий в степь, он укрепленный (город)».³ «Ардхива находится на краестепи, у нее крепость с одними воротами у подножия горы».⁴ «Гардман, у него крепость и ров, наполненный водой, ширина его равна полету стрелы, у него двое ворот».⁵ «Айхан, у него крепость: ров и у ворот — метательные машины».⁶ А вот что Макриси пишет о самом Миздахкане: «Остальные города являются населенными, укрепленными, но Миздахкан самый большой среди них; по пространству он близок к Джурджании, и его окружает стена».⁷

¹ В. В. Бартольд. История орошения Туркестана, 83.

² В. В. Бартольд. Туркестан, II, 141—155.

³ BGA, III, 288.

⁴ Ibid. III, 288.

⁵ Ibid. III, 288.

⁶ Ibid. III, 288.

⁷ Ibid. III, 288.

А несколько выше Макдиси говорит, что «Миздахкан город большой, вокруг него 12000 замков, рустак его обширный».¹ Под замками нельзя, конечно, понимать замки в полном смысле слова. Это, по всей вероятности, укрепленные небольшие хutorского типа усадьбы, которые в основных своих чертах дожили до наших дней, как одна из характерных особенностей Хорезма. Во всяком случае картина, данная Макдиси, достаточно выразительна.

Сопоставляя всю совокупность сведений арабских географов между собой, можно с определенностью сказать, что Хорезм в X веке находится на той стадии развития феодального общества, которая заключает в себе все признаки разложения. Едва ли было бы правильно думать, что укрепления, которые так характерны для всех поселений и городов Хорезма, являются результатом одной только потребности в защите культурной полосы от набегов кочевников. Мне думается, что крепости эти являются старыми замками-цитаделями. Как и в остальных районах Средней Азии, здесь было сильно развито дехканство, которое экономически и политически держало всю ближайшую округу в своих руках. Постепенно вместе с развитием товарного обмена между отдельными дехканскими участками, т.-е. феодальными единицами, а главным образом под влиянием торговли с кочевой степью, около некоторых из замков вырастают городские поселения. И недаром Макдиси в характерной для его времени терминологии, про некоторые из городов Хорезма говорит: «Зардух (город) большой, у него хисн и рабад»,² или «Садур находится на берегу Джейхуна, имеет хисн и рабад, соборная мечеть находится посреди города в хисне».³ В последнем случае, говоря о городе, он употребляет слово البلر, чем как бы и подчеркивает, что имеет в виду весь город в целом, и тут же локализирует, вводя термин «хисн». При чтении Макдиси, нужно, как уже выяснил В. В. Бартольд, осторожно подходить к последнему термину. Иногда он у него обозначает цитадель, а иногда укрепленную городскую стену, т.-е. шахристан-медину. Но как бы в каждом отдельном случае ни толковать «хисн», в Хорезме та же топографическая эволюция города, что и в Самарканде, Мерве, Бухаре и других местах. Другой здесь только масштаб. От замка-цитадели к шахристану и через него к рабаду, т.-е. от феодального (дехканского) укрепленного жилища к первоначальному городскому поселению у его

¹ Ibid. III, 288.

² Ibid. III, 288.

³ Ibid. III, 288.

подножия, а потом к предместью, в котором сосредотачиваются ремесло и рынок. Сохраняя в старой цитадели резиденцию еще существующих и потерявших только свою политическую независимость дехкан, а также нужные для борьбы с кочевниками укрепления, города эти знали типичную городскую жизнь — разнообразную ремесленную промышленность и правильную торговлю, как с соседними районами, так и, главным образом, с кочевниками, которые приезжали сюда за грубыми тканями, изделиями из обожженной глины, поливной и неполивной (блюда, сосуды, чаши и т. д.), пшеницей, джугарой, дынями и т. п., в свою очередь привозя к ним шерсть, кожи, скот и т. д. О товарообмене между культурной полосой Хорезма и кочевой турецкой степью арабские географы дают достаточно материала, только главное внимание они сосредотачивают на наиболее важных пунктах, как столица северного Хорезма — Ургенч и пограничных со степью рынках, как Фарагегин. Из них первый обслуживал кочевников левого, а второй — кочевую степь правого берега Аму-Дарьи. Однако, не подлежит сомнению, что товарообмен шел и в других пунктах, и Миздахкан, который в домонгольскую эпоху был на правом берегу Аму-Дарьи не мог не привлекать к своему рынку кочевников. Едва ли будет преувеличением сказать, что именно эта торговля и сделала его одним из крупнейших городов правого берега. Не даром же Макдиси говорит про него, что он по величине близок к Джурджани (Ургенч), которая через два с чем то десятка лет, после того, как писал последний, станет столицей всего Хорезма. Внимательно вчитавшись в слова Макдиси о Миздахкане, учитывая контекст в котором они даны, мы должны сказать о нем следующее: в X в. он принадлежал к числу больших городов Хорезма, ибо по величине он почти равен Ургенчу, территория которого в это время, как это выясняется из археологических работ 1928—1929 гг. равна по крайней мере $\frac{2}{3}$ современного городища, являющегося остатками Ургенча Золотоордынского периода. У Миздахкана в X в. была уже укрепленная стена. Как выясняется из археологических наблюдений (об этом ниже) у него была и монументальная цитадель. А вокруг, в ближайшей округе, которая, быть может, соответствовала размерам прежнего феодального поместья, раскинуто было по словам Макдиси 12 000 мелких укрепленных, хуторского типа, крестьянских хозяйств. Весьма возможно, что цифра эта значительно преувеличена. Во всяком случае, это был очень культурный в земледельческом отношении район, который и мог своей продукцией в достаточной мере снабжать рынок Миз-

дахкана. Думаю, что едва ли ошибусь, если скажу, что с востока на запад он тянется на протяжении 24—25 км или 3 фарсахов, каковое расстояние и отделяло главное русло Аму-Дарьи от правобережного канала Курдера.

Исследователь, к сожалению, лишен в письменных источниках сведений об этом городе, которые бы относились к последующим векам, хотя археологические данные определенно говорят о существовании Миздахкана в Золотоордынский период. Так, мы ни слова не имеем о нем ни в период монгольского завоевания и монгольских государств, ни наконец, в период завоеваний Тимура. Во всяком случае, В. В. Бартольд, который имеет обыкновение все сведения о городах, даже простые упоминания о них, отмечать в своих работах, нигде не говорит о Миздахкане. Таким образом, после долгого перерыва, тянувшегося почти семь столетий, имя Миздахкана, впервые опять появляется у Абульгази,¹ т.-е. в середине XVII в. Но это не описание Миздахкана, а лишь в двух словах упоминание о нем, как о крепости. При чем из рассказа не ясно, что Абульгази понимает под Миздахканом: существующую и функционирующую крепость, или ее заброшенные развалины. Думаю, что второе будет ближе к истине. Собственно на этом и кончаются упоминания о Миздахкане в письменных источниках, если не считать краткого указания Огехи (хивинский историк XIX в.), который говорит о «кыре» (возвышение) Миздахкана, как находящемся на расстоянии 1 фарсаха на запад от Ходжейли.²

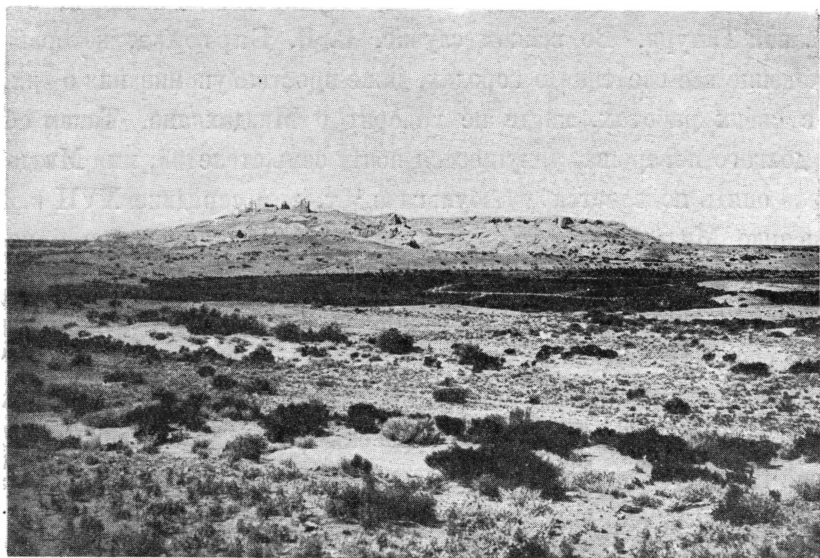
Перейду теперь к описанию самих развалин. Это — два холма, из которых западный имеет в окружности несколько больше километра, а восточный более 1.5 км. Оба холма естественного происхождения, со значительным наростом культурного слоя. Расстояние между холмами равно 1 км. Западный холм представляет собой чрезвычайно интересную крепость,³ следы которой местами хорошо сохранились. Крепость у местного населения известна в наши дни под именем Гяур-Кала. Весь этот огромный строительный комплекс сложен из пахсы. Как видно из прилагаемой

¹ Aboul Ghazi. Histoire des Mogoles et des Tatares, trad. par le baron Desmaisons. II, 301.

² В. В. Бартольд. История орошения, 83.

³ У А. Н. Самойловича (Изв. Русск. ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 9, 27) об этом месте только несколько строчек: «По дороге в Ходжейли (12 июня) я осмотрел и сфотографировал кладбище с мавзолеем Мазлум-Сулу и развалины крепости «Гяур-Кала» (1 фарсах или тап от Ходжейли)». Вот и все.

фотографии (фиг. 1), стена идет вокруг всего холма, обходя его верхние точки. В некоторых местах торчат небольшие остатки когда-то мощных башен. Наиболее интересна южная часть крепости (фиг. 2). Здесь, над крутым обрывом холма, за высокой толстой стеной поставлена огромная цитадель. Будучи сооружена на самой высокой точке холма, она, если смотреть на нее с юга, т.-е. со стороны фасада, представляет собой, несмотря на то,

Фиг. 1. Миздахкан. Западный холм. Общий вид на крепость с северо-востока.

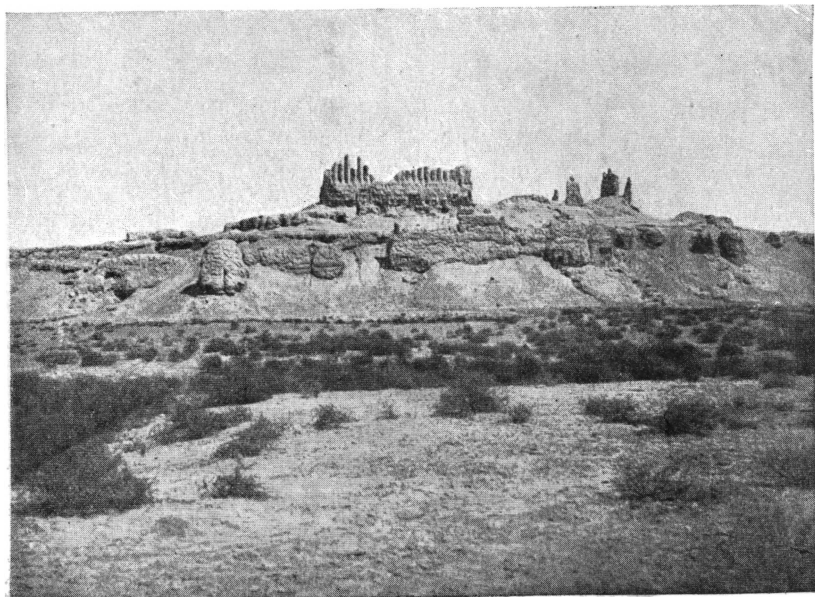
что сделана из пахсы, монументальное строение, производящее сильное впечатление своею мощью.¹

На ней мне и хочется несколько остановиться.

Размеры ее 75 × 70 шагов. От цитадели сохранилась только фасадная стена (южная) и боковая (восточная). Высота фасадной стены 14 м. Характерной и редко встречающейся особенностью последней является тот факт, что в верхней своей части она как бы распадается на полуколонки, которые придают ей вид гофрированной разделки. Хотя стена эта и лучше

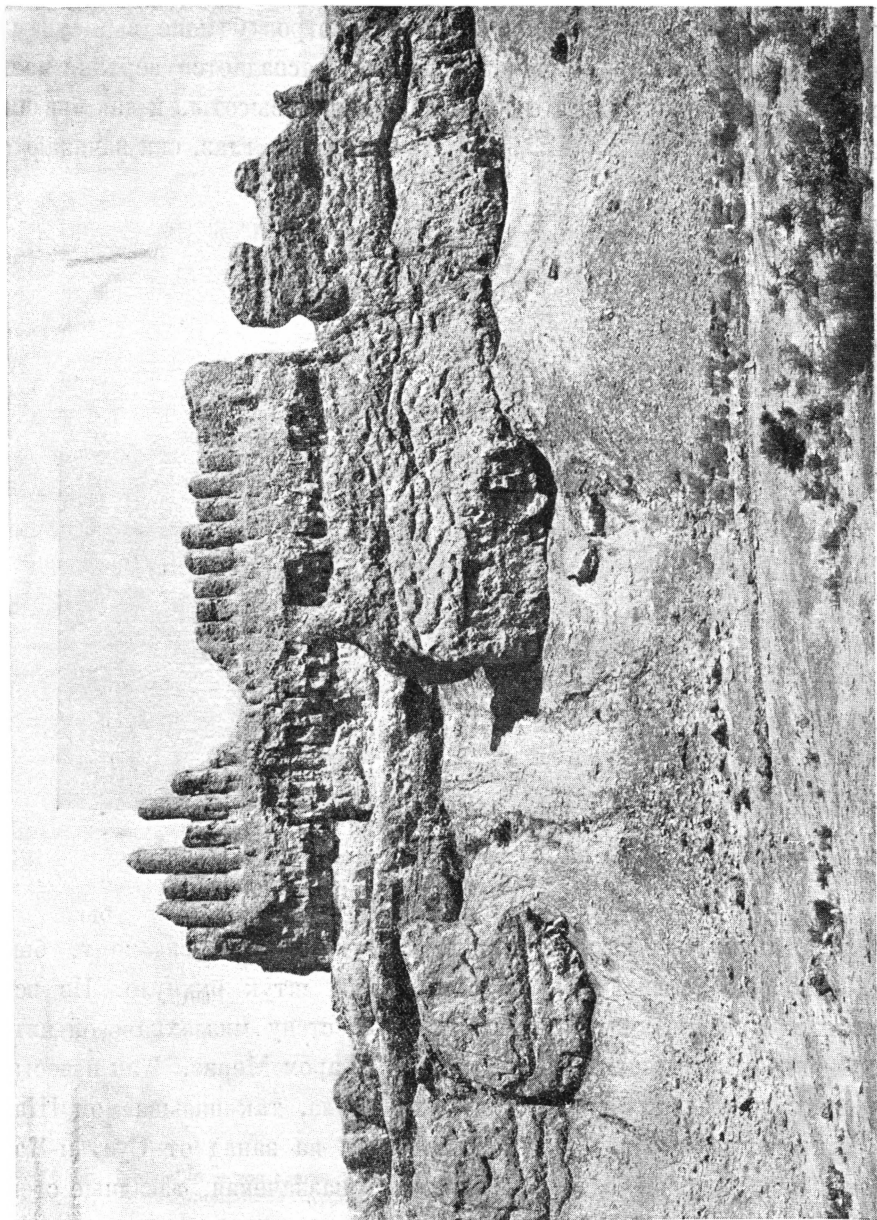
¹ В Миздахкане мне удалось быть два раза, оба только на очень короткий срок (в пределах 2 дней). В 1928 г. мы совместно с Л. Н. Соколовым осматривали городище и собирали керамический материал, а в 1929 г. — совместно с А. А. Некрасовым и С. Н. Иомудским.

сохранилась, чем другие части крепости, однако и она настолько разрушена, что мы только приблизительно можем судить об ее первоначальной высоте, которая, без сомнения, на несколько метров больше вышеупомянутой цифры в 14 м. Полуколонки, на которые распадается верхняя часть стены, начинаются не сразу, а с довольно большой высоты, и как бы опираются на высокий цоколь (фиг. 3). Если судить на глаз, они начинаются

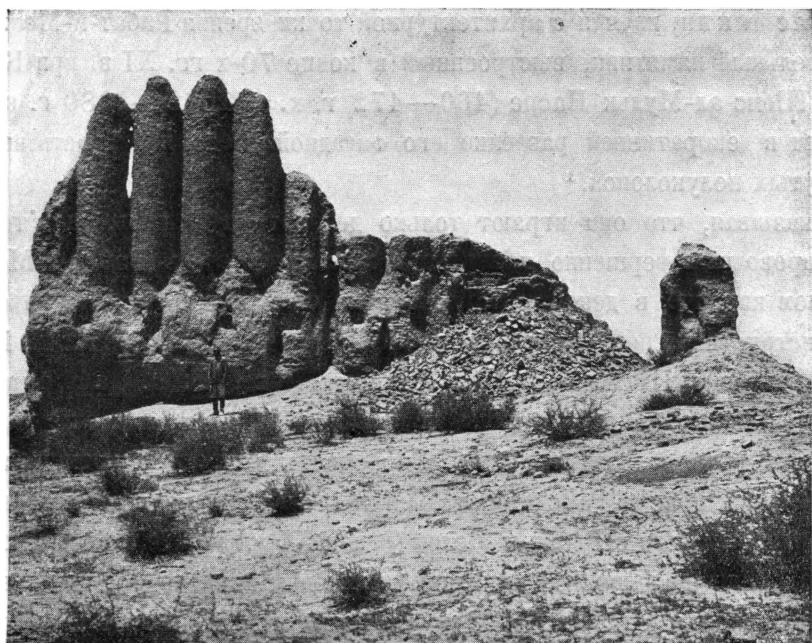
Фиг. 2. Миздахкан. Вид на крепость и развалины цитадели с юга.

как раз на половине высоты стены. Полуколонок, повидимому, было 21—22; говорю «повидимому», ибо несколько штук рухнуло. Из всех известных мне построек лучше всего фасадную стену миздахканской цитадели сравнить с некоторыми из построек в Старом Мерве. Как известно, в северо-восточном углу городища Султан-Кала, так называемом Шахриар-Арке, также в ближайших окрестностях на запад от Султан-Кала находятся своеобразные здания неизвестного назначения, фасадные стены которых в верхней своей части распадаются на такие же полуколонки, напоминающие гофрированную разделку. Два из них находятся на запад от городища Султан-Кала, и известны под именем Кыз-Кала, здание же в Шахриар-Арке у местного населения специального наименования не имеет.

Фиг. 3. Миздахкан, Остатки стены цитадели. Вид с юга.

Для старого Мерва постройки эти очень характерны. Остатки такого же здания, не отмеченные В. А. Жуковским в его монографии о Старом Мерве, находятся в северозападной части Султан-Кала и на север от городища Гяур-Кала (фиг. 4—5). Говоря об этих постройках, я не имею в виду анализа их по существу (назначение их для нас еще загадка), а желаю только обратить внимание на совершенно тождественную разделку их стен

Фиг. 4. Ст. Мерв. Развалины здания в северозападном углу Султан-Калы.

с вышеупомянутой разделкой фасадной стены миздахканской цитадели. Здесь тот же принцип кладки, что и в Миздахкане. А в большем из двух зданий, известных под именем Кыз-Кала даже то же число полуколонок, а именно 20.¹ Разница только в том, что в Старом Мерве стены этих зданий выложены не из пахсы, как в Миздахкане, а из сырцового (высушенного на солнце) кирпича. Кроме того, в здании в Шахриар-Арке² (Султан-Кала) сами полуколонки несколько иной формы, чем в миздахканской

¹ В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва, 105.

² Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Изд. Центр. гос. рест. маст. Москва, 1928, стр. 18 и 21.

питадели, они чуть заострены по вертикали в центральной части наружной поверхности. Не подлежит сомнению, что полуколонки, гофрирующие стены, играют не только декоративную роль, но и служат конструктивным целям — придают постройке большую устойчивость, а следовательно и прочность. По всей вероятности, в Средней Азии, для какого-то длительного промежутка времени в домонгольскую эпоху, этот способ возведения стен был чрезвычайно характерен. Весь вопрос, к какому времени их отнести. Б. Н. Засыпкин, изучая с архитектурной точки зрения Рабат-и-Мелик — замечательный памятник, выстроенный в конце 70-х гг. XI в. при Каракханиде Шемс-ал-Мульк Насре (460—472 г. х. = 1068—1080 г. н. э.), отмечает в декоративной разделке его фасадной стены наличие вышеупомянутых полуколонок.¹

Указывая, что они играют только декоративную роль, он в то же время проводит совершенно правильную мысль, что здесь (Рабат-и-Мелик) в жженом кирпиче в декоративном порядке отмирает тот прием, который был конструктивно необходим в сырцевом кирпиче, и указывает на Кыз-Калу и здание в Шахриар-Арке в Старом Мерве. Б. Н. Засыпкин не видел Миздахкана, в силу чего и не знал, что быть может еще раньше этот прием употреблялся в пахсе. Вернемся к вопросу о времени этого строительного приема, а следовательно к вопросу о времени возведения этих построек. Если в Рабат-и-Мелик (конец XI в.) прием этот уже отмирает, сохраняясь в декоративном плане на жженом кирпиче, то, надо думать, что сами здания в Старом Мерве могут быть отнесены ко времени, предшествующему постройке Рабат-и-Мелик. Таким образом, мы получаем возможность говорить о начале XI и, повидимому, о X в., что вполне соответствует нашим историческим сведениям о времени культурной жизни в районах к северу от городища Гяур-Кала и северовосточной части Султан-Кала. Более точно определить время, к которому относятся эти, неизвестного назначения, мервские постройки, мы, по отсутствию других данных, не можем. Что же касается питадели в Миздахкане, то время ее постройки (которая существовала, повидимому и в 80-х гг. X в., когда писал Макдиси), можно отнести и к более глубокой древности, как на основании самого материала (пахса), так, главным образом на основании того черепка, поливного и неполивного, который там встречается. Но об этом

¹ Ibid. 121

несколько позже. Пока же остановимся на продолжении описания Миздахканской крепости. Итак, цитадель сохранилась только в своей фасадной (южной) и боковой (восточной) стенах. Все остальное рухнуло. Имея общее представление о ее размерах, мы однако не можем уяснить ее плана, ибо внутри ничего не сохранилось. Мало мы можем сказать и о самой крепостной стене, которая во многих местах рухнула, о башнях, от которых до наших дней дошли только жалкие остатки, как это видно из моей фотографии, где сняты развалины западной башни. В самую крепость можно

Фиг. 5. Ст. Мерв. Развалины здания к северу от Гяур-Калы.

попасть только с северо-востока, по единственному въезду, который также был укреплен стеной и башнями. Зато о времени существования этой крепости и ее цитадели нам скажут те черепки, которые попадаются на ее территории в очень небольших фрагментах. Черепки здесь встречаются как неполивные, так и поливные. Неполивные, по большей части, имеют красную глину и могут быть в грубых чертах разбиты на две группы. К первой относятся черепки оссуарного типа. Тесто у них грубое с большой примесью песка. Толщина черепка 1.7 см. Орнамент, который встречается на них или елочного типа в глубоко врезаемых бороздках, или имеет

характерные для некоторых из самаркандских оссуариев рельефные полосы с косыми рубцами, с той только разницей, что там они наклеплены, крупнее и вдавлены пальцем, а здесь мельче и выполнены резцом.

Трудно сказать, происходят ли они от оссуариев, тем более, что найденное в 1929 г. в Чимбайском районе целое кладбище оссуариев дает совершенно новый тип их, известный пока только в Хорезме¹. Те из них (три штуки), которые привезены этнографом А. Л. Милковым в Русский музей, имеют четырехугольную форму, ножки, четырехскатные крышки, без всякого орнамента и сделаны из алебаstra. Попадаются черепки и более тонкие, со следами рельефно выполненного геометрического орнамента. Так или иначе, но черепки эти, от неизвестных нам сосудов, принадлежат, по видимому, ко времени более раннему, чем X или даже IX в.

Ко второй группе могут быть отнесены черепки, сделанные из красной глины. Они хорошо отмучены, и имеют красную ангобированную, прекрасно протертую наружную поверхность. Толщина этих черепков нормальная и они от сосудов домашнего обихода. По видимому — это чашки или бокалообразные сосуды. Любопытно, что из такой же глины и такой же техники в Отделе Востока Гос. Эрмитажа² есть высокие бокалообразные сосуды из Афрасиаба. В. Л. Вяткин считает их сравнительно редким и архаичным типом.³ Еще более архаичны черепки из темной глины с примесью песка, сделанные, по видимому без гончарного круга, с черной росписью в виде небрежно набросанных полосок. Таким образом, и эти черепки дают нам право относить жизнь сохранившихся развалин, ко временам более древним, чем те, когда писали арабские географы. Перейду теперь к поливным черепкам. Они очень близки к тем, что встречаются в глубоких слоях южной половины Куны-Ургенчского городища.⁴ Уже беглого осмотра достаточно, чтобы причислить их к домонгольской керамике Средней Азии. Здесь мы найдем черепки из красной, хорошо отмученной глины. Одни из них покрыты белым ангобом с черной росписью, другие по белому ангобу закрашены черным цветом, на фоне которого выступает белая (ангобная) роспись, третьи по красному ангобу расписаны

¹ Это первый случай находки оссуариев в Хорезме.

² КИ 730.

³ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, 40—41.

⁴ Пробные раскопки для вскрытия культурных слоев, произведенные летом 1929 г. археологической экспедицией ГАИМК.

белыми кружками, на которых поставлены (в центре) черные точки. Все они покрыты свинцовой бесцветной глазурью, и сделаны из красноватой глины.

Сравнивая черепки эти с аналогичным материалом из Афрасиаба, приходишь естественно к выводу, что посуда эта бытовала здесь в XI—X—IX вв. Таким образом, на основании найденной керамики поливной и неполивной, можно с достаточным правом сказать, что жизнь в этой крепости была не только в эпоху арабской географической литературы, но и значительно раньше, по всей видимости, в начале арабского завоевания (начало VIII в.), а может быть, и раньше. Едва ли будет ошибкой предположить, что перед нами остатки крупного замка-цитадели, относящиеся еще к той поре, когда феодалы-дехканы были главными хозяевами этих мест. Любопытно, что на территории крепости совершенно отсутствует черепок монгольского периода. Повидимому, крепость умерла раньше, чем остальной город. Характерно также, что в исторической литературе, рассказывающей о монгольском завоевании Хорезма ни слова не говорится о Миздахкане, а, между тем, если крепость эта функционировала в начале XIII в., то едва ли бы отряд Джучи, который шел со стороны Дженда, т.-е. Сыр-Дарьи не остановился бы перед ней, ибо она лежала на правом берегу реки и, повидимому, на большой дороге в Ургенч.¹

Перейдем теперь к тому, что лежит в ближайших окрестностях от этого холма и крепости.

Как выше было сказано, второй холм, лежащий к востоку от первого, находится от него на расстоянии 1 км. Все это пространство сплошь покрыто обломками жженого кирпича, и черепками неполивной, и, реже, поливной посуды. С севера в этот район (между двумя холмами) проникают культурные земли, с трудом отвоевывающие у солончака и песка нужные участки, а с юга надвигаются пески. Из прилагаемой фотографии (фиг. 6) хорошо видно, как они целыми полосами засыпают территорию давно умершего города. Идя из крепости к восточному холму, где находится известный в округе мавзолей Мазлум-Сулу, путник наталкивается на большие полосы песку.

Слой культурной почвы чередуется с песчаным слоем, который, через некоторое время, повидимому, без остатка покрывает развалины города.

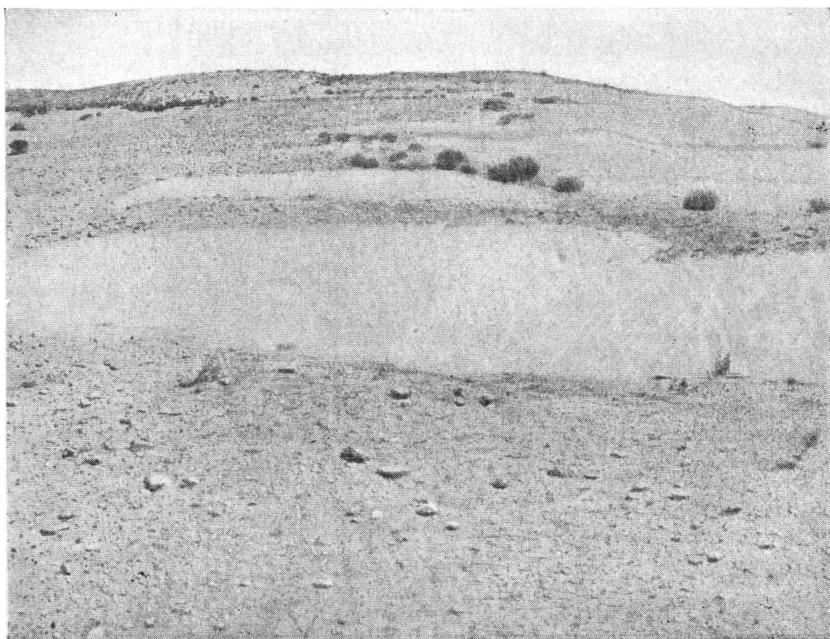
¹ Впрочем, аргумент этот ослабляется тем, что историческая литература (Ибн-ал-Асир, Джувейни, Рашид-ад-Дин) дает только сведения об осаде Ургенча, не касаясь других городов.

В силу указанных условий (культурные земли и песок) трудно без длительного изучения местности точно определить размеры города, хотя в одном месте мне удалось усмотреть остаток городской стены.

На глаз перед нами город средней величины. Встречающийся на поверхности города черепок, как неполивной, так и поливной, относится, главным образом, к монгольской эпохе, т.-е. ко временам XIII—XIV вв. Остановлюсь на неполивной группе. Большая часть ее сделана из темной хорошо отмученной глины и представляет собой очень плотный и звонкий черепок. Орнамент на них процарапанный, линейный. Он тянется длинной полосой параллельных линий, проведенных с помощью деревянной гребенки, при чем в такой полосе может быть три, четыре и пять линий.

Иногда подобные полосы пересекаются и образуют диагональную сетку. Иногда поверхность черепка образует род гофрированной разделки в форме рельефных полосок, идущих поясными кругами. Часто встречаются на них и наклепанные полосы с вдавленными с помощью палочки рубцами. Посуда этого типа многообразна и дает ту же картину, что и неполивная керамика Куя-Ургенчского городища, относящаяся к монгольскому периоду. Среди находок можно встретить и недурные образцы штампованной посуды того же времени. Но среди неполивных черепков часто попадаются экземпляры, которые стоят совершенно в стороне от вышеописанной группы. Они из грубой яркочерной глины с примесью песка и глубоко врезанным елочным орнаментом. Повидимому, это крышки от каких-то сосудов. На вид они архаичны. Не исключена возможность, что они значительно старше остальных находок из этого городища. Что же касается поливных черепков, то их на городище немного. Все они относятся к хорошо известной нам (после работ 1928—1929 гг.) ургенчской керамике Золотоордынского периода. Здесь встречаются: 1) фрагменты, у которых под бирюзовой глазурью — черная роспись по ангобированной поверхности; 2) фрагменты, у которых по ангобированной поверхности синяя и темно-зеленая роспись под бесцветной свинцовой глазурью; 3) фрагменты, у которых на ряду с синей и темнозеленой росписью характерным признаком является наличие рельефного белого орнамента с крупными синими точками. Перечисленные выше находки дают возможность сделать некоторые выводы относительно времени этого городища. Мне представляется, что факт существования здесь города в Золотоордынский период (XIII—XIV в.) не вызывает сомнений. Однако, найденный на поверхности керамический

материал не дает нам права утверждать, что жизнь здесь была и в домонгольский период, хотя известие Макдиси и говорит о Миздахкане, как о городе, пространство которого равно пространству Ургенча. Конечно, находки собранные в плане кратковременной разведки ни в коей мере не могут претендовать, хотя бы на относительную полноту. Вот почему, опираясь на достоверные письменные известия, мы можем надеяться, что будущие работы, как по сбору подъемного материала, так, и в особенности

Фиг. 6. Миздахкан. Засыпаемые песком остатки города, лежащие между западным и восточным холмами.

раскопки, дадут положительный ответ на этот вопрос. Что же касается более позднего времени, то на территории городища нет совершенно признаков, на основании которых можно было бы утверждать, что жизнь здесь продолжалась; имею в виду главным образом время, начиная с XVI в.

Вышеупомянутый восточный холм, который несколько больше западного, также очень интересен. Он являет собой характерное сочетание старых мавзолеев и современных могил. Большое количество последних объясняется тем, что вся округа, включая и Ходжейли, стремится быть

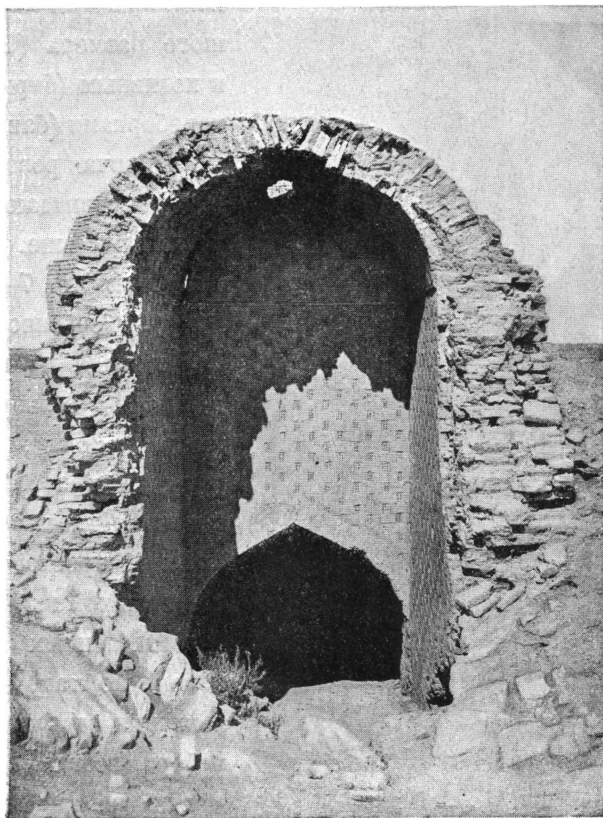
похороненной на этом месте, около старых почитаемых могил. Среди построек есть несколько, заслуживающих не только внимания, но и тщательного изучения. Я имею в виду прежде всего мавзолей с двумя надгробиями, носящий имя Мазлум-Сулу. В настоящее время здание это сильно разрушено. Находится оно в северной части восточного холма, и являет собой интересную, более того, замечательную и во многом необычную для Средней Азии постройку. Несомненно, что она привлечет к себе внимание специалиста

Фиг. 7. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Общий вид снаружи.

и будет предметом самостоятельного исследования. На первый взгляд, если смотреть на нее только снаружи, она мало привлекательна. На поверхности торчат развалины гранного купола, входной арки — и ничего больше (фиг. 7). Но когда войдешь внутрь, впечатление резко меняется. Без внимательного изучения и зондажей даже трудно установить, насколько она засыпана землей, и в какой мере является постройкой надземной. Поэтому, не входя в вопросы, которые требуют специального исследования, ограничусь простым описанием того, что видел. Вход сильно разрушен. Посетитель проходит в глубокую подковообразную арку, где опустившись и пройдя

через стрельчатую входную арку (фиг. 8), попадает в маленькую квадратную комнатку (2 м 20 см $\times$ 2 м 20 см) с упавшим куполом и со сталактитовой обработкой четырех углов, выполненной неполированными, обожженными, отполированными кирпичами. Пройдя затем корридор (3 м 10 см), он вхо-

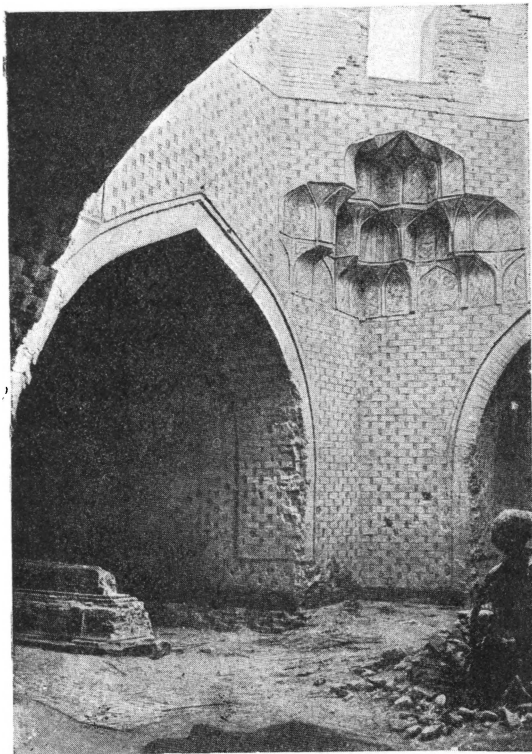

Фиг. 8. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вход.

дит в главную часть мавзолея. Это — крестообразное в плане помещение (14.5 м $\times$ 14.5 м), правильно поставленное по странам света. По четырем сторонам его расположены широкие и глубокие стрельчатые ниши, две из которых глухие, а две сквозные.¹

¹ По кратности времени обмер мог быть произведен очень схематично. Сделан он совместно с Л. Н. Соколовым.

Купол у помещения рухнул и сохранилась только его нижняя часть (фиг. 9). В нишах, лежащих прямо (на север) и направо (на восток) от входа, стоят два надгробия, покрытые замечательными расписными изразцами. Наиболее интересным и ценным в мавзолее является его внутреннее убранство. Стены снизу до верха облицованы полированным, неполив-

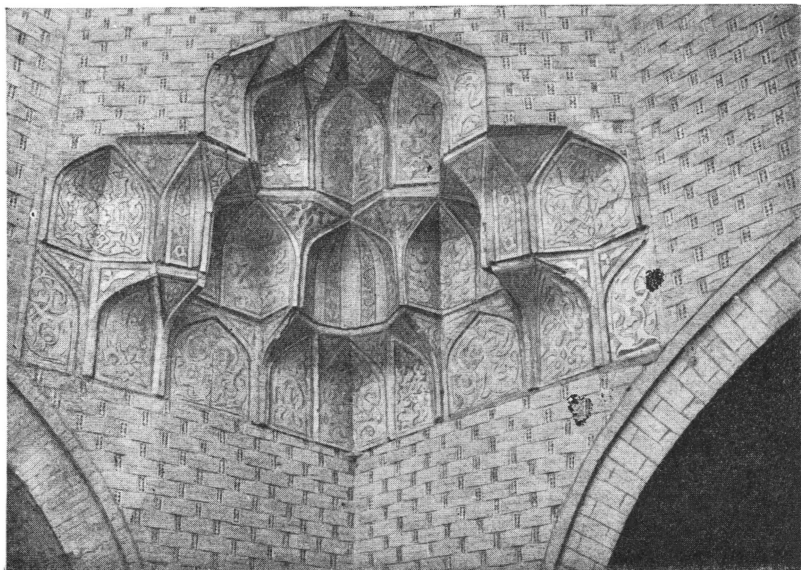

Фиг. 9. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вид внутри.

ным, жженным кирпичем небольшого размера ($23 \times 23 \times 4$), и поливным (бирюзового цвета) переборками (бантиками). Цвет у кирпича розовато-желтый, вполне совпадающий с цветом песка в пустыне. Переборки насчитывают до 7—8 различных фигур. Особенность их в том, что каждая из них заключена в четырехугольную бирюзового цвета рамочку, чего нет на ургенчских переборках. Облицовочная кладка построена на приеме простого чередования сдвоенных («лежком») кирпичей и поставленных «стоймя» переборок, но так, чтобы в рядах, лежащих один над другим, переборка всегда приходилась против центра сдвоенных «лежком» кирпичей. Верхние части углов помещения обработаны сталактитами,

расположенными один над другим в три ряда. Каждый из сталактитов представляет собой кусок обожженной, хорошо отмученной, вогнутой, стрельчатой формы плитки, наружная поверхность которой расписана растительным орнаментом бирюзового цвета. Растительная композиция составлена из однолистников, двулистников и трилистников. И нужно признать, мастер достиг большого совершенства. Как чистота бирюзового цвета поливы, положенной толстым, почти рельефным слоем, так и розовато-желтый тон терракоты производит большое впечатление.

Имея по существу декоративное значение, сталактиты создают как бы видимость конструктивно-необходимой части.¹ Они как бы разбивают четырехгранник помещения на восемь граней, на которые и поставлен сохраняющий свою восьмиугольную форму купол. Характерной особенностью последнего является его внутренняя облицовка. Весь он внутри выложен

Фиг. 10. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вид внутри. Сталактиты.

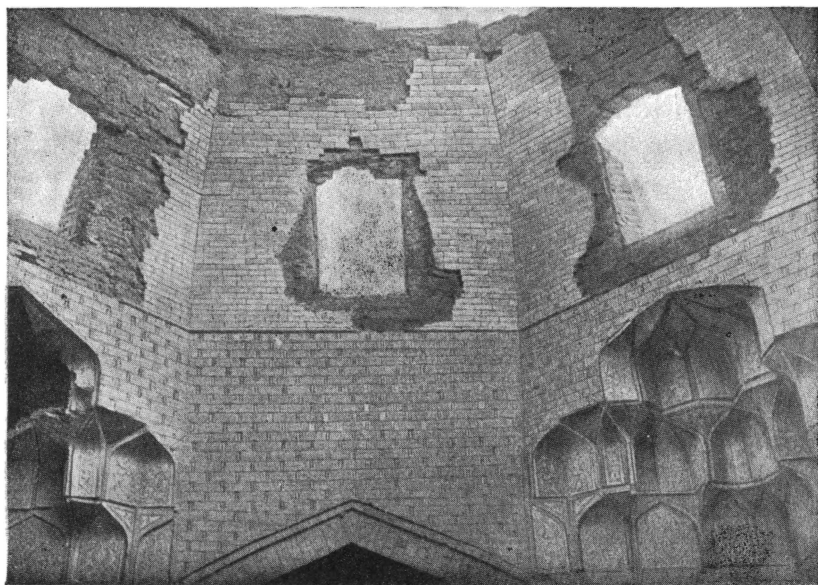
бирюзовыми изразцами изумительной чистоты (фиг. 10—11). По числу граней, в куполе восемь прямоугольных окон, прорезанных в его нижней части и дававших большое количество света.

Что же касается вышеупомянутых надгробий, то они производят большое впечатление, как высокой художественной техникой своих майолик, так и прекрасно выполненными персидскими надписями. Будучи одной техникой, но разного орнаментга и разных красок, надгробия эти, к сожалению, сильно попорчены, хотя по сохранившимся глазурям вполне возможно восстановить все бывшее богатое и многообразное их убранство. Из двух надгробий более пострадало северное, лежащее против входа, особенно это касается его надписи, которая, как будет видно, не лишена интереса, тем

¹ По существу они декоративно скрывают настоящий переход к куполу, осуществленный, повидимому, путем балочных переборок.

более, что именно она объясняет, почему мавзолей этот носит имя Мазлум-Сулу. В виду того, что в настоящий момент я не располагаю своими записями, где отмечено распределение красок, смогу только в самых общих чертах коснуться их описания. Последнее начну с восточного надгробия.

Будучи нормальным по своим размерам, оно представляет обычный для Средней Азии тип суживающегося от основания к верхней своей части

Фиг. 11. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вид внутри на развалины купола.

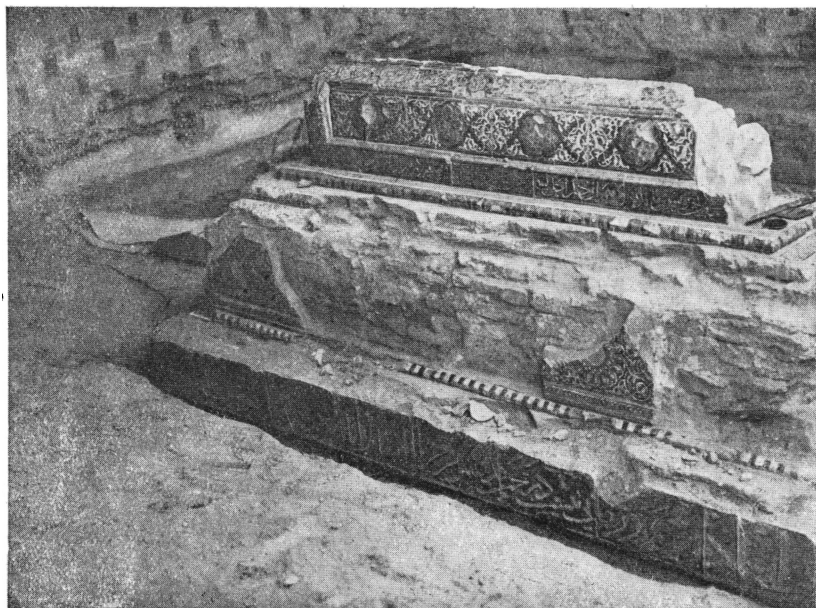
слегка ступенчатого надгробия. Его можно разделить на три части: 1) основание,¹ 2) средняя часть, состоящая из невысокой, хорошо отделанной стенки, на которой покоится ряд суживающихся и укорачивающихся площадок, образующих как бы ступеньки; 3) верхняя, самая важная и лучше всего отделанная часть надгробия. Надгробие со всех сторон покрыто изразцовыми плитками в технике подглазурной росписи, чередующимися с одноцветными поливными кирпичиками (на скатах ступени).

Основной фон надгробия синий с белым растительным орнаментом в виде характерных для ургенчских и золотоординских изразцов двулистников и однолистников, образующих вместе со стеблями очень тонкое пле-

¹ Внизу поле букв выполнено синим цветом.

тение (фиг. 12). По синему же фону в белых буквах выполнены персидские надписи. Но лучше всего большие розетки, расписанные тонкой кистью. Здесь синий, белый, черный и красный цвета сочетаются с хорошо сохранившимся местами золотом. Судя по вышеупомянутому растительному плетению, столь характерному для Ургенча и для Золотоордынского Поволжья, надгробие это относится к первой половине XIV или даже к концу XIII вв.

Перейдем теперь к северному надгробию.

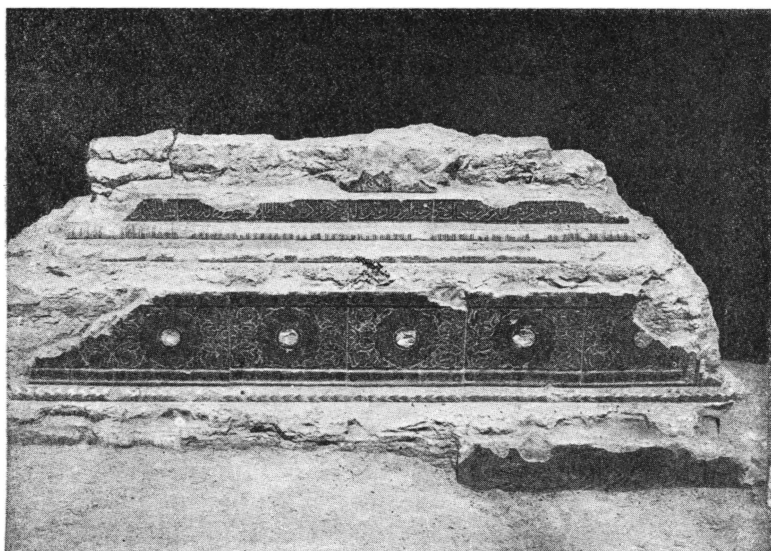
Фиг. 12. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вид внутри. Восточное надгробие.

По размерам и форме оно такое же, как и восточное. Однако, оно пострадало значительно больше. Глазури у него слетели, не только в нижней, но и в верхней части. Красками и их распределением оно еще богаче и многообразнее. Элементы растительного орнамента те же, но вся композиция другая. Так, например, среди переплетающихся стеблей и листьев мы увидим в узлах, где разветвляются побеги, тонко исполненные цветы в форме маленьких розеток (фиг. 13). Интересная персидская надпись, говорящая о женской могиле, к сожалению, во многих местах сильно попорчена. Надгробие это по всем признакам относится к той же эпохе, что и восточное

и хотя сделано, повидимому, руками другого мастера, однако вышло из той же ургенчской школы.

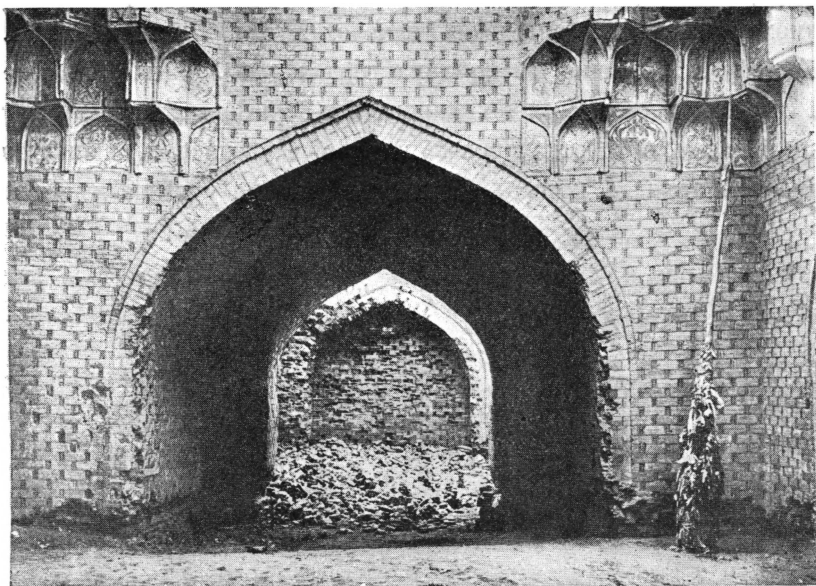
Налево от входа лежит глубокий стрельчатый проход, длиной в 3 м 70 см, ведущий во второе помещение, тоже квадратное, только меньших размеров (7.5×7.5 м) (фиг. 14). Стены прохода и этого помещения облицованы теми же кирпичами и бирюзовыми переборками и в той же технике, что в выше рассмотренном помещении.

В углах этой комнаты сохранились той же техники и того же орнамента прекрасные сталактиты, декоративно разбивающие четырехгранник

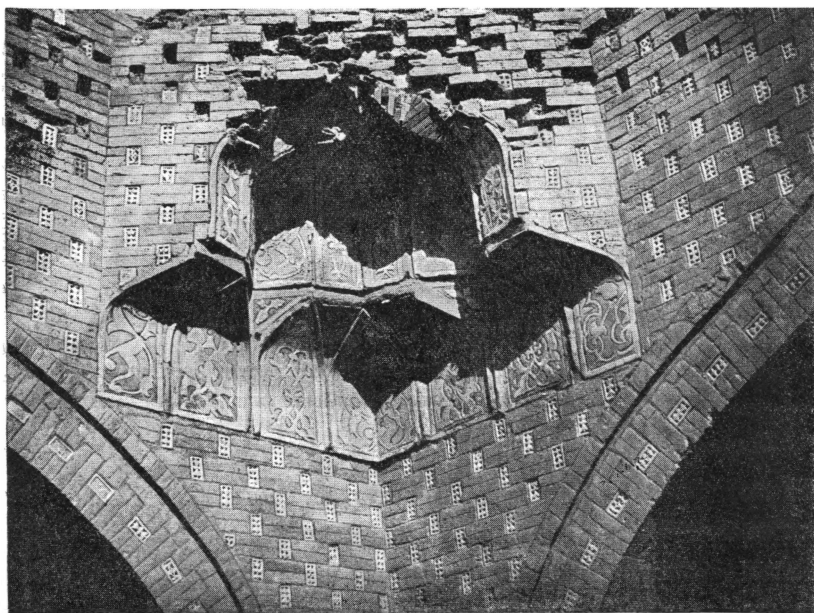

Фиг. 13. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вид внутри. Северное надгробие.

стены на восьмигранник и создающие впечатление, что именно они играют роль конструктивную перехода к куполу (фиг. 15). Последний не сохранился; повидимому, он давно рухнул. Надгробия в комнате не оказалось, хотя оно, наверное, было. Здание это, известное под именем Мазлум-Сулу, представляет для истории среднеазиатской архитектуры совершенно исключительный интерес, ибо здесь мы имеем единственный случай, где сохранилось убранство внутренности здания, построенное на использовании бирюзового цвета, которым обыкновенно украшают наружные поверхности среднеазиатских построек. В этом отношении особенно характерен купол, который

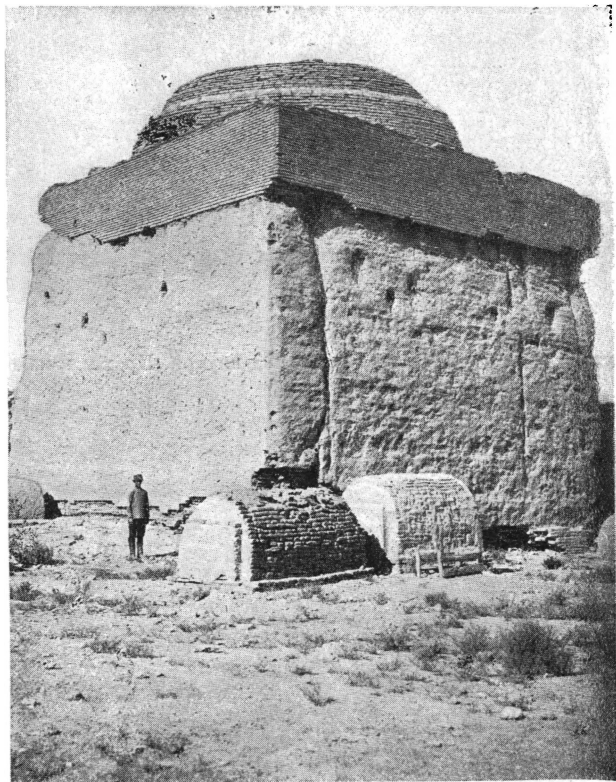
Фиг. 14. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Вид внутри. Проход в малое помещенис.

Фиг. 15. Миздахкан. Мавзолей Мазлум-Сулу. Малое помещение. Вид внутри. Сталактиты.

весь изнутри выложен бирюзовыми изразцами. Время постройки мавзолея, повидимому, может быть определено началом XIV или концом XIII в.

К этому склоняет не только характерная для Ургенча этого периода кладка сдвоенных облицовочных кирпичей и бирюзовых переборок, но и, главным образом, обработка правого надгробия росписями, выполненными в орнаменте и технике, которая так характерна для ургенчских расписных

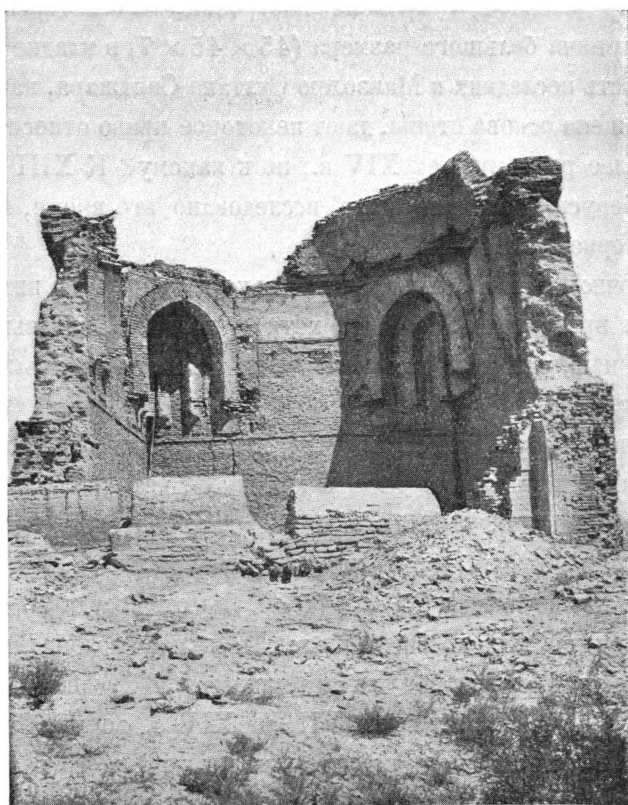

Фиг. 16. Миздахкан. Здание неизвестного назначения, повидимому, мавзолей. Вид снаружи.

изразцов конца XIII и XIV вв. и которые нашли себе такое большое распространение в Золотоордынском Поволжье.

Несмотря на то, что в Мазлум-Сулу наблюдаются некоторые своеобразные черты, все же, в целом, оно несет на себе ярко выраженную печать художественно-производственных мастерских Ургенча.

В нескольких десятках саженей от Мазлум-Сулу находятся развалины большого здания, по всей вероятности мавзолея. Здание это квадратное и имеет по наружной стороне стен $11 \text{ м} \times 11 \text{ м}$. Не смотря на рухнувший купол, здание и сейчас высокое. Характерной особенностью является материал, из которого сложена постройка. Как видно из одного обнаженного

Фиг. 17. Миздахкан. Здание неизвестного назначения, повидимому, мавзолей. Вид внутри.

места, фундамент у нее из обожженного кирпича, а основа стен из сырца (фиг. 16). Однако хорошо сохранившиеся на верху стены облицовочные кирпичи определенно говорят, что первоначально все здание снаружи и, повидимому, изнутри было выложено ими. Из обожженного кирпича сложен и купол, как это видно по сохранившемуся куску его. Интересна постройка и с конструктивной стороны. Переход к куполу (следов барабана и второго экв. v.

купола на здании нет) осуществлен через своеобразные перемычные паруса в виде тройных, как бы входящих одна в другую стрельчатых арочек (фиг. 17), сложенных из кирпича размера $45 \times 45 \times 7$. Выложенные в углах здания, они обращают внимание своей несколько необычайной величиной. Среди известных нам в Средней Азии тромпов к ним ближе всего тромпы Мавзолея Султана Синджара (1157 г.) в Старом Мерве. Трудно сказать что-нибудь определенное о времени постройки этого интересного здания. Наличие кирпича большого размера ($45 \times 45 \times 7$) в кладке перемычных парусов, близость последних к Мавзолею Султана Синджара, наконец сырец, которым выложена основа стены, дают некоторое право относить постройку ко времени более раннему, чем XIV в., но к какому? К XIII или XII вв.? Сказать не берусь, так еще мало исследовано это время, имею в виду монгольский период (XIII—XIV вв.).

На восточном холме есть еще несколько построек, из них одна, несомненно, может представить интерес, хотя и меньший, чем вышеприведенные; к сожалению, снимки с них испорчены и использованы для работы быть не могут.

В заключение остановлюсь на интересном, найденном на том же восточном холме у шестикупольного мазара каменном, четырехгранном, кверху расширяющемся сосуде. Две из его сторон параллельных друг к другу, если брать их по краю (верх) имеют в длину 1 м, две другие — 95 см. Те же стороны по низу имеют 75 см и 70 см. Высота сосуда 76 см. По четырем углам сосуд украшен высеченными в камне колонками (фиг. 18). Последние имеют чрезвычайно характерную для Средней Азии, хорошо представленную в памятниках от VII до XIV в. форму. Стержень этих колонок слегка гранный, имеет капитель в виде гранного раструба. Здесь та же форма капители, что и на оссуариях, очажках, что в мавзолее Исмаила Саманида (имею в виду колонки внутри мавзолея, отделяющие его паруса-тримпы). Такую же форму мы найдем на деревянных колонах из Курута и Обурдана,¹ на Сайрамской каменной колонне и, наконец, на угловых колоннах в Айша-Биби. Высота колонок сосуда 60 см. Каждая из сторон сосуда орнаментирована высеченным в камне рисунком. Одна из них украшена кругом, в который вписана восьмиконечная звезда, образованная из двух пересекающихся друг друга квадратов, внутри которых

¹ По Таджикистану. Отчет об экспедиции 1925 г. Вкладной лист за стр. 12, там же статья М. Е. Массона, 28—41 стр.

Фиг. 18. Миздахкан. Каменный сосуд.

помещен второй круг, заключающий в себе шестиконечную звезду, образованную двумя пересекающимися треугольниками.

Внутренность второго (меньшего) круга заполнена стилизованным орнаментом. По бокам, в правом и левом углах, высечен, повидимому, стилизованный растительный орнамент. Непосредственно над кругом-звездой краткое пожелание *العز الاقبال*. На другой стороне высечен круг, внутри которого помещена двадцатиконечная звезда с более простой орнаментальной разработкой.

По верхним углам — стилизованный растительный орнамент, рядом с которым справа и слева краткие надписи. Еще более проста разработка третьей и четвертой стороны. Но самое ценное в сосуде — это та арабская надпись, которая идет по верху, с трех сторон, под слегка выступающим бортом сосуда. В надписи дана и легко читаемая дата 722 г. х. = 1322 г. н. э.

К сожалению, остальная часть надписи на фотографии покрыта густой тенью от борта и вследствие того не поддается чтению. Приведенная дата имеет для истории городища большое значение. Она является лишним подтверждением того, что именно в монгольскую эпоху Миздахкан жил, быть может, наиболее полной жизнью, как город.

Пробую подвести итоги тем немногим наблюдениям, которые удалось сделать во время краткого пребывания на территории развалин. Не подлежит сомнению, что два холма, площадь, заключенная между ними и самые ближайшие окрестности, где на поверхности так много жженого кирпича и черепков, представляют собой неразрывное целое, бывшее когда-то городом Миздахканом. Начальная точка его развития — крепость и монументальная цитадель на западном холме. Площадь между холмами — часть территории города, от которого, к сожалению, не сохранилось ни одной постройки, хотя бы и в развалинах. Что же касается восточного холма, то это огромное и не умершее до наших дней его кладбище. Крепость и цитадель, которую я рассматриваю как начальную, в смысле времени, точку топографической эволюции города, уходит в глубь веков, и, по всей вероятности, еще домусульманского происхождения. По всей вероятности, стены и укрепления ее не раз переделывались, сохраняя, повидимому, свои старые формы. Здесь когда-то сидел крупный дехкан (говорю, конечно, в собирательном смысле), который, когда здесь вырос город, стал постепенно терять свое значение, сначала политическое, а потом и экономическое. Когда умерла жизнь в крепости и цитадели — неизвестно, но, повидимому, после X в.

она держалась недолго. Во всяком случае, отсутствие керамики монгольского периода заставляет предполагать, что в XIII и XIV вв. ее здесь не было. Территория между двумя холмами, и ближайшими окрестностями есть, повидимому, территория города Миздахкана, о котором Макдиси в конце X в. говорил, что он окружен стеной. Пока на основании найденного археологического материала утверждать этого нельзя. За то не вызывает сомнений, что здесь была оживленная жизнь в монгольский период, т. е. в XIII и XIV вв. И хотя в письменных источниках мы не имеем на то никаких указаний, однако, богатый археологический материал дает нам полное право это утверждать. Имею в виду прежде всего неполивные и поливные черепки, мавзолей Мазлум-Сулу и датированный 722 г. х. (1322 г. н. э.), четырехгранный каменный сосуд. В виду того, что на территории города нигде нет следов жизни от более позднего времени, надо думать, что он вполне разделил судьбу своего столпного соседа Ургенча. Повидимому, так же как и последний, он медленно, но верно шел к смерти. И мне кажется, что, когда Абулгази (XVII в.) упоминает «крепость Миздахкан»,¹ то не надо понимать, что он имел в виду населенное место. Это не был город, даже просто действующая крепость, а только остатки ее, правда, лучше сохранившиеся, чем то, что мы имеем в наши дни.

А. Янубовский.

¹ См. вышеприведенное место Абулгази.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 4 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ТУРКМЕН В VIII — X вв.

Этногенез туркмен представляет исключительный интерес. Наряду с современными узбеками туркмены являются тем народом, история сложения которого отразила не только передвижение ряда народов, но и смену их имен в огромном секторе Средней Азии: северная сторона его упирается в реку Яик (Урал), южная совпадает с южной границей современной Туркмении, западная доходит до Каспийского моря, а восточная (с уклоном на юг) тянется приблизительно по линии Отрар, Чарджоу, Мары и Серахс.

До настоящего времени не написано книги по этногенезу туркменского народа. Честь почина серьезной постановки вопроса о происхождении туркмен принадлежит Н. А. Аристову, который в 1897 г. выпустил «Заметки об этническом составе тюркских племен»¹, где высказал ряд соображений о некоторых особенностях туркменского типа (длинноголовость). Уже в советское время появились две статьи проф. Л. В. Ошанина, сыгравшие в изучении этногенеза туркмен весьма положительную роль. Первая из них — «Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения»², вторая — «Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен»³.

Одним из важнейших вопросов истории туркменского народа в период средневековья является выяснение расселения туркмен, да и вообще территории, которую они занимали в VIII—X вв. Эта проблема тесно связана с проблемой этногенеза туркмен.

В науке прочно держится еще точка зрения, согласно которой туркмены на территории Туркменской ССР появились лишь в первой половине XI в. в связи с сельджукским движением. До XI в. и даже позже туркменский, или огузский, народ жил на средней и нижней Сыр-дарье, а также в районе между Эмбой и Яиком. Если, согласно этой точке зрения, туркмены и появлялись на территории современной Туркмении до XI в., то лишь временно, в периоды их набегов на Хорезм или Хорасан. Последним выражением этой точки зрения являются слова С. Л. Волина в его статье «К истории древнего Хорезма»⁴: «Любопытно, что и для ал-Макдиси и для ал-Бируни, как и для писавшего на несколько десятилетий позже Махмуда Кашгарского, страной туркменов является бассейн Сыр-дарьи, а не территория современной Туркмении. Повидимому, основная масса туркменов еще оставалась на старой территории».

Наиболее раннее упоминание огузов мы встречаем у ал-Белазури в связи с рассказом о том, что известный тахиридский правитель Абдаллах ибн-Тахир (830—844) отправил своего сына Тахира ибн-Абдаллаха

¹ СПб., 1897.

² Изв. Средневековья, вып. 1, 1926.

³ Ташкент, 1928.

⁴ „Вестник древней истории“, 1941, № 1, стр. 196.

в поход против гузов⁵. По словам ал-Белазури, Тахир ибн-Абдаллах был направлен в страну Гузия, причем «он завоевал места, до которых никто до него не достигал». В. В. Бартольд в своем «Очерке истории туркменского народа» высказал по поводу этих слов следующее правильное суждение: «Вероятно,— пишет он,— эти действия произошли в западной части Туркмении, так как ко времени Абдаллаха ибн-Тахира относили устройство рабатов, т. е. пограничных укрепленных пунктов в Дихистане (ныне Мешхед-и-Мисриян) и Афрава (ныне Кызыл-Арват)»⁶. В. В. Бартольд даже приписывает лично Тахиру ибн-Абдаллаху возведение этих укреплений.

Таким образом, мы имеем все основания исходить из того, что еще в первой половине IX в. в западных районах современной Туркмении находились какие-то группы огузов, которых арабы именовали гузами и которые тревожили пограничные земледельческие поселения северо-восточного Ирана. Когда и при каких обстоятельствах появились эти огузы, упоминаемые ал-Белазури в связи с описанием похода Тахира ибн-Абдаллаха, нам неизвестно. Повидимому, это была первая волна огузского перемещения на территории современной Туркмении.

В основной своей массе огузы жили в IX в. на среднем и нижнем течении Сыр-дарьи и в степях на север от Усть-Урта, между Эмбой и Яиком. Отсюда они и начали просачиваться на юг и юго-запад, на территорию современной Туркмении. Арабская географическая литература, как известно, дает в этом отношении немало интересных фактов. В нижней части Сыр-дарьи находился ал-Карьят ал-Хадиса — Новый город, по-тюрки Янгикент. По словам ибн-Хаукаля, город этот — «столица царства гузов, зимой в нем живет царь гузов»⁷. В своих «Мурудж аз-Захаб» ал-Масуди говорит, что в Новом городе бо́льшая часть жителей гузы⁸. Гузы жили, ведя кочевое хозяйство, по обоим берегам нижней Сыр-дарьи и в ряде других ее городов. Так, ибн-Хаукаль рассказывает о Дженде и Хоре (двух городах по нижнему течению Сыр-дарьи), что власть в них принадлежит гузам⁹, о Сабране¹⁰, — что в нем собираются гузы для заключения мира и торговли, о Сюткенде¹¹, что здесь собираются тюрки-гузы и что они уже приняли ислам. Между прочим, о Сабране, как месте гузских купцов, говорит и безымянный автор «Худуд ал-алем»¹². Ал-Макдиси¹³ ко всем этим сведениям добавляет, что Сабран (он его называет Сауран) является пограничной крепостью против гузов. Мы уже указывали, что другими районами, где было много гузских кочевий, являлись долины Эмбы и Яика. На севере гузы доходили до нижней Волги и даже до Дона, который, по словам ал-Масуди, они переходили зимой по льду¹⁴. Это известие ал-Масуди относится, повидимому, ко времени не позже конца IX в., хотя сам автор писал в первой половине X века.

Огузы, жившие на Сыр-дарье, были типичными тюрками. Ал-Масуди пишет об огузах, живших в районе Нового города (Янгикента), следующее: «Преобладают среди тюрков в этом месте гузы (частью) кочевые, (частью) оседлые. Это племя из тюрков, оно (делится) на три груп-

⁵ Ал-Белазури, *Китаб футух ал-булдан*, Изд. де-Гуе, стр. 431, англ. перевод Марготена, стр. 205.

⁶ В. В. Бартольд. *Очерк истории туркменского народа*, стр. 16.

⁷ BGA, т. II, стр. 393.

⁸ Ал-Масуди, *Les prairies d'or*, Париж, 1861—1872, т. I, стр. 212.

⁹ BGA, т. II, стр. 393.

¹⁰ Там же, стр. 391.

¹¹ Там же.

¹² *Худуд ал-алем*, Изд. В. В. Бартольда, л. 24-б.

¹³ BGA, т. III, стр. 274.

¹⁴ Ал-Масуди, *Указ. соч.*, т. II, стр. 19. Река Дон у ал-Масуди носит имя р. Хазар.

пы: нижние (гузы), верхние и средние; они самые храбрые из тюрок, самые маленькие из них ростом, и у них самые маленькие глаза»¹⁵.

Слова эти ценны в двух отношениях. Во-первых, они рисуют нам этих гузов мало похожими на высоких длинноголовых туркмен последнего времени; во-вторых, они указывают на тот важный факт, что часть огузов в районе нижней Сыр-дарьи перешла уже к оседлому земледельческому труду и к городской жизни, о чем говорят и вышеприведенные сведения ибн-Хаукаля, ал-Макдиси и других арабских географов. Если о пребывании огузов в IX в. на территории современной Туркмении мы имеем только одно, и то не вполне ясное известие ал-Белазури, то о пребывании их там в X в. мы имеем известия в арабской географической литературе настолько четкие, что они не нуждаются в комментариях и дополнительных доказательствах.

Позволим себе привести наиболее ясные из этих известий. По словам ал-Истахри, страна гузов тянется от Джурджана до Фараба и Исфиджаба¹⁶. Известно, что ал-Истахри написал свой «Китаб масалик ал-мамалик» около 941 г. Сведение же его относится к более раннему времени, ибо он включил в свой труд и переработал сочинение Абу Зейда ал-Балхи, составленное около 920 г. В другом месте ал-Истахри говорит, что земли гузов простираются от Тараза (Джамбула) по дуге через Фараб, Сюткенд (города на Сыр-дарье), Самаркандский Согд, район Бухары и Хорезма до Хорезмского (Аральского) моря¹⁷. Согласно ибн-Хаукалю, рабат Дихистан, лежащий вблизи иранской границы на системе каналов, связанных с рекой Атреком, являлся пограничной крепостью против гузов¹⁸. Ал-Истахри, говоря о Фераве (вблизи современного Кызыл-Арвата), отмечает, что это — пограничная крепость против гузов¹⁹. Согласно автору «Худуд ал-алем», гузы в его время (в конце X в.) жили даже на острове Сиякухе²⁰ на Хазарском (Каспийском) море.

Как нам представляется, приведенные факты с убедительностью показывают, что кочевья гузов доходили до иранских границ современной Туркмении. Едва ли упомянутому выше Абдаллаху ибн-Тахиру, правившему Хорасаном еще в первой половине IX в., имело смысл посылать войска против гузов, если бы они жили тогда на Сыр-дарье, Аральском море и на Эмбе. Естественнее всего предположить, как это и сделал В. В. Бартольд, что поход этот был направлен на тех гузов, против которых тогда же и были возведены им такие укрепления, как Дихистан на Атреке и Феравы вблизи современного Кызыл-Арвата.

Соблазнительно поставить вопрос: когда и как огузы проникли на свою будущую территорию? Шел ли этот процесс медленно, начавшись в первой половине IX в., или имели место такие события в степных кочевьях Приаралья и Прикаспия, которые содействовали более решительному передвижению огузов? Нам представляется более правильной вторая точка зрения. В жизни огузов большую роль сыграли события 898 или 893 года²¹. Известно, что это был год, когда огромные массы

¹⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 166 (в дальнейшем сокращенно МИТТ). Археологические работы С. П. Толстова (1946) подтвердили полностью указание ал-Масуди на наличие земледельческих поселений гузов в X веке.

¹⁶ BGA, т. I, стр. 9.

¹⁷ Там же, стр. 286—287.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 273.

¹⁹ Там же, т. I, стр. 273.

²⁰ Худуд ал-алем, Изд. В. В. Бартольд, л. 5-б.

²¹ Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении „De administrando imperio“, составленном в 948 г., в главе 37 рассказывает, что за 50—55 лет до написания этой книги, на территории, до того занятой мадьярами (т. е. между Доном и Дунаем), появились печенеги, вытеснившие мадьяр на их теперешние земли (Венгрия). Таким образом, это событие произошло в 898 или 893 г.

печенегов перешли на запад, вплоть до северо-восточной части Балканского полуострова. Часть печенегов заняла степи Придонья и нижней Волги, а небольшая часть их, наиболее бедная, осталась в районе между Эмбой и Яиком. Весьма ценно свидетельство ибн-Фадлана, секретаря каравана халифа Муктадира (908—932) к болгарскому царю, отправленного из Багдада через Бухару, Хорезм, гузские степи и дальше. Ибн-Фадлан рассказывает, что, пройдя реку Джам²², т. е. Эмбу, караван их в скором времени вступил в земли печенегов. «Мы,— пишет ибн-Фадлан,— оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх, а это самая большая река, какую мы видели, самая огромная и с самым сильным течением»²³. Это были жалкие остатки многочисленного и богатого кочевого народа, покинувшего свои прежние кочевья под давлением каких-то крупных столкновений. Отзвуки этих событий мы и находим в арабских источниках. Так, ал-Масуди в своей работе «Китаб ат-Танбих», упоминая о переселении печенегов на запад, указывает, что в другом его сочинении (до нас не дошедшем) он говорит о причинах переселения «четырех тюркских племен с востока» в связи со столкновениями, которые были здесь у печенегов и гузов²⁴ в районе Джурджанийского (Аральского) моря.

Интересное известие о гузах имеется у арабоязычного автора начала XII в. Шарафа аз-Замана Тахира Марвази, врача по специальности, в его сочинении «Таба'и ал-хайаван» (Природные свойства животных). Известие это, наряду с другими сведениями о тюрках раннего средневековья, вошло в географическую часть упомянутого сочинения Марвази, имеющего в общем естественно-научный характер. Вот слова его о гузах: «После того, как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми из гузов, которые не приняли ислам, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось, и положение ислама у них улучшилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их и прогнали из Хорезма в сторону поселений (кочевий) печенегов. Туркмены распространились по странам ислама. Положение туркмен улучшилось настолько, что они овладели большей частью их (т. е. стран ислама) и сделались у них царями и султанами»²⁵. В этом отрывке рассказывается о том же событии, что и у ал-Масуди в «Китаб ат-Танбих» и в книге Константина Багрянородного «De administrando imperio». К сожалению, рассказ этот не сопровождается датой описываемого события. Однако, учитывая указание Марвази, что мусульмане-огузы вытеснили огузов-язычников из Хорезма и вынудили их потеснить кочевья печенегов, а тем самым заставили переселиться последних в Юго-Восточную Европу, мы имеем право связать сведения Марвази с аналогичными известиями упомянутых выше авторов и отнести его также к 90-м гг. IX века.

Известие Марвази о гузах ценно для нас еще и тем, что в нем мы находим прямое указание на то, как и когда возникло впервые наименование «туркмены». По словам Марвази, туркменами стали именовать

²² Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, стр. 65.

²³ Там же, стр. 66.

²⁴ BGA, т. VIII, стр. 180; МИТТ, стр. 166. Кроме гузов, здесь упоминаются в качестве участников столкновения еще кимаки, карлуки, что невероятно, ибо те и другие сюда не доходили.

²⁵ Sharaf Al-Zaman Tahir Marvazi, Arabic text (circa a. d. 1120), by V. Minorsky, London, 1942, араб. текст, стр. 18. Об этой работе см. Б. Н. Заходер, Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и руссах IX—X вв., Известия Всесоюзного географич. общества, т. XXV, вып. 6, 1943, стр. 25 и сл.

ту часть огузов (гузов), которая приняла ислам. Из приводимых источниками объяснений имени «туркмены» объяснение Марвази наиболее убедительно и не является, как другие, плодом «народной этимологии»²⁶.

Итак, первоначально туркменами назывались только огузы, принявшие ислам. Под именем же огузов оставались те из них, которые продолжали исповедовать язычество. Однако постепенно имя «туркмены» вытеснило имя «огузы», хотя последнее продолжало существовать в некоторых местностях и в последующие века, как мы увидим ниже.

В арабской географической литературе термин «туркмены» встречается впервые у ал-Макдиси, т. е. в конце X века.

Принимая во внимание все изложенное выше, можно сказать, что под влиянием событий, связанных с переселением печенегов на запад в 898 или 893 г. и с захватом некоторыми огузскими группами районов от «Чинка» (спуск Усть-Урта) в направлении к р. Эмбе²⁷, огузы-туркмены, захватившие «Хорезм» (точнее, окрестности Хорезма), начали в большом числе движение на юг. Это было начало второй волны гузского переселения на территорию современной Туркмении. Вот почему арабские географы отмечают их теперь не только на Сыр-дарье и вокруг Аральского моря, но вплоть до Дихистана и Феравы.

В советской историографии довольно много сказано об имени «огузы» и «туркмены». В своем прекрасном «Очерке истории туркменского народа»²⁸ В. В. Бартольд с достаточной полнотой показал, когда и как термин «туркмены» вытесняет термин «огузы», в арабской транскрипции «гуззы». Однако, занимаясь этой темой, В. В. Бартольд не ставил другого, более существенного, вопроса о путях и главных факторах сложения туркменского народа, т. е. об его этногенезе. В каком отношении современные туркмены находятся к вышеупомянутым огузам? Являются ли они их прямыми потомками? Нам представляется, что огузы в сложении туркменского народа были весьма важным компонентом, сыгравшим исключительную роль, однако далеко не единственным. Огузы явились не на пустое место, не были огузы и первыми тюрками, пришедшими на территорию современной Туркмении. Вспомним, каких кочевников застали арабы, когда они в 651 г. подошли к городу Мерву или когда они в начале VIII в. завоевали области по рекам Гюргену и Атреку. Когда преследуемый арабами последний сасанидский царь Ездигерд III появился во второй раз у стен Мерва в 651 г., к нему явился с отрядом всадников Низек-Тархан, не то тюркский, не то эфталитский владетель Багдиса, т. е. области между Серахсом и Гератом. Багдис, так же как и Балхская область, был в это время наполнен кочевниками. Во всяком случае Низек-Тархан со своими кочевниками был крупной военной силой, с которой приходилось считаться соседним тохаристанским и хорасанским владетелям.

Арабские источники именовали кочевников Багдиса и Балхской области то тюрками, то эфталитами. Так, описывая борьбу арабского военачальника ал-Ахнаба с кочевниками Балхской области, арабский историк ат-Табари в одном месте называет их тюрками²⁹, в другом — эфталитами³⁰. Характерно, что это путаница не столько самого ат-Табари, сколько его источников, его предшественников, включенных без критической проработки в его текст. Тем ценнее для нас эта путаница, ибо она как раз отражает ту неясность, которая была у арабов VIII и IX вв. в отношении кочевников, с которыми сражались их предки на грани-

²⁶ Махмуд Кашгарский, Константинопольское изд., т. III, стр. 304—307.

²⁷ Ибн-Фадлан подробно описывает этих гузов-язычников — см. стр. 60 и сл.

²⁸ См. В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 6—7.

²⁹ Ат-Табари, 2686; ат-Табари, II, 156.

³⁰ Там же, 2885.

цах Хорасана. Победило все же представление, что это были тюрки. Насколько они были в VII—VIII вв. значительной силой, видно из того, что они делали набеги на западные районы Хорасана. Так, ал-Белазури упоминает их значительные скопища в Хорасане еще во времена халифа Османа (644—656)³¹. Несколько позже, в 80-х гг. VII в., тюрки, по словам того же автора, доходили при хорасанском наместнике Абдаллахе ибн-Хазиме до Нишапура³². Большое число тюрков в конце VII и в начале VIII в. жило в районе реки Атрека и города Дихистана (ныне развалины Мешхед-и-Мисриян). Арабские историки ал-Белазури и ат-Табари упоминают их в связи с рассказом о походе Иезида ибн-Мухаллаба на Дихистан и ал-Бухейру в 716 г. Владетелем Дихистана был тюрк Сул. Поход Иезида был удачен, оба пункта были завоеваны, взята большая добыча, причем в Дихистане и его окрестностях было перебито 14 000 тюрков³³.

Более раннее упоминание тюрков в юго-восточном углу Каспийского моря мы встречаем у ал-Якуби при кратком описании укрепленной стены из жженного кирпича, тянувшейся от моря до гор и охраняющей область Гургена от нападений кочевников-тюрков³⁴. Построил ее Хосрой Ануширван (539—571) в конце своего царствования.

Кто же были эти тюрки? Характерно, что в отношении этих районов арабские авторы не колеблются в применении к ним термина «тюрки» и не смешивают их с эфталитами. В. В. Бартольд ставил этот вопрос. Вот его мнение: «Можно предположить, что степи к востоку от Каспийского моря были заняты турками еще в VI в., так как к этому времени относится столкновение турок с сасанидской Персией, что гузы или огузы арабских географов были потомками тех же турок...»³⁵.

Здесь с совершенной ясностью высказывается предположение, что огузы, появившиеся (как огузы) впервые в Туркмении в IX в., были родственниками, более того, прямыми потомками тюрков, живших в районе Дихистана и Гургена. Полагаю, что оспаривать это предположение В. В. Бартольда нет оснований.

Вернемся, однако, к тохаристанским и хорасанским тюркам, которых арабские авторы смешивали с эфталитами. Обратим прежде всего внимание на то обстоятельство, что в Багдисе, под Балхом, под Мервом в VII и начале VIII в. кочевое население было весьма густым. Мы, конечно, хорошо знаем, что тюрки сюда являлись не раз в качестве войска, угрожавшего восточным границам сасанидского Ирана. Естественно, что после таких походов какая-то часть этих тюрков здесь оседала; именно это и произошло с карлуками, которые в VIII в. образовали группу тохаристанских карлуков со своим ябгу, о чем часто упоминает ал-Мадаини, включенный в текст труда ат-Табари. Однако едва ли это огромное число кочевников, находившихся на этой территории, можно целиком отнести за счет осевших здесь тюрков. Вместе с тем нам хорошо известно, что вышеназванные районы Тохаристана и Хорасана были главными районами поселения эфталитов в V—VI вв. Именно здесь проходили главные битвы эфталитов с персами. Под Мервом Варахран V (420—438) разбил эфталитов, и, наоборот, когда эфталиты били войска сасанидского Ирана, они отсюда наносили ему удары. Вспомним трагическую фигуру Пероза, который погиб в битве с эфталитами в 484 г. Тогда эфталиты захватили Балх и даже Герат. Нанеся в 563—567 гг. смертельный удар эфталитам, тюрки не выгнали их из районов их по-

³¹ Ал-Белазури, 409.

³² Там же, 414—415.

³³ Ал-Белазури, 336; ат-Табари, 1320.

³⁴ BGA, т. VII, стр. 150.

³⁵ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 13.

селения и не перебили их всех. Оставшись на местах прежних своих кочевий, эфталиты смешались с пришедшими сюда тюрками, язык и имя которых они и приняли. Не случайно и арабы путали тех и других, применяя к ним до известного времени то имя эфталитов, то тюрок.

Кроме остатков эфталитов и тюрок, огузы в IX и даже в X в. застали также остатки другого значительного народа — аланов. В недавно опубликованном из архива В. В. Бартольда отрывке сочинения ал-Бируни «Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений»³⁶ имеется весьма ценное указание великого хорезмийского ученого о том, что в районе Саракамыша (у ал-Бируни Маздубаст), находящемся между Джурджаном и Хорезмом, жили аланы и асы. Вот слова ал-Бируни: «Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»³⁷. Ал-Бируни упоминает аланов и асов в связи с перемещением главного русла Аму-дарьи, что было задолго до жизни ал-Бируни, однако он специально добавляет, что «язык их теперь (т. е. при ал-Бируни) смешанный», чем как бы подчеркивает, что аланы жили еще в его время и отличались от других народностей.

К сожалению, у нас нет в настоящее время таких вещественных памятников с территории Туркмении, которые мы могли бы определить как памятники аланские. Если бы такой археологический материал в нашем распоряжении имелся, нам нетрудно было бы определить ареал распространения аланов. Как бы то ни было, факт пребывания аланов до и после появления огузов на территории Туркмении бесспорен. В мою задачу не входит показать, как протекал процесс взаимодействия местных и пришлых элементов на территории Туркмении; для этого не настало еще время ввиду недостаточного количества надежных лингвистических, археологических и других данных. Одно не подлежит сомнению: уже до XI в., т. е. до времени третьей и наиболее значительной волны передвижения на юго-запад, процесс скрещения эфталито-тюркских, аланских и огузских скотоводческих кочевых групп протекал на территории Туркмении достаточно интенсивно. Процесс тюркизации нетюркских элементов на территории Туркмении начался еще до появления первой партии огузов, т. е. до IX в., причем деятельными участниками этого процесса были как сами тюрки, жившие в районе Мерва, Балха и Дихистана, так и родственные им племена, обитавшие на Балханах и в других местах. Особенно усилился процесс тюркизации после того, как в IX и X вв. на территории Туркмении скопилось большое число огузов. Аланы и асы потеряли свой язык и тюркизировались в языковом отношении. Однако этнические, точнее, антропологические особенности их физического типа не исчезли бесследно. Они передали народу, который окончательно сложился здесь и получил имя туркмен, свою долихоцефалию — длинноголовость, о чем свыше 15 лет назад в упомянутых статьях писал проф. Л. В. Ошанин.

VIII—X века были лишь подготовительной стадией в сложении туркменского народа. Процесс этот нашел свое выражение лишь в XI и XII вв., когда, в связи с сельджукским движением первой половины XI в. и перемещением кипчаков в сторону бассейна Сыр-дарьи в XI—XII вв., началось третье и наибольшее по своему размаху передвижение огузов на юго-запад, в том числе и на территорию современной Туркмении.

³⁶ С. А. Волин, Указ. соч., стр. 192—196.

³⁷ Там же, стр. 194.